

**Немирович-Данченко Василий
Иванович**

Наши женщины

Книга 3

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
В19

В19 **Василий Иванович Н.**
Наши женщины: Книга 3 / Немирович-Данченко Василий Иванович – М.:
Книга по Требованию, 2024. – 326 с.

ISBN 978-5-519-99180-3

ISBN 978-5-519-99180-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Содержаніе.

	Стр.
Сама справилась	5
Мы — вольныя птицы	35
Мірская печальница	53
Сестра	81
Погасшій очагъ	97
На мѣдныя берега	111
Никто не виноватъ	129
Часовой бѣжалъ	149
У раннихъ могилъ	171
Романтики на волчьемъ мѣху	181
Подбитая птица	191
Каиново племя	209
Театръ при буфетѣ	221
Безъ матерей	253
Въ проходномъ дворѣ	265
Амазонка	273
Тургеневскія дѣвушки, нынѣшняя женщина и дамы-танго	297
Шампанскіе вольные стрѣлки	311

САМА СПРАВИЛАСЬ

1.

Изъ черныхъ кипарисовъ въ лунномъ свѣтѣ—
блѣдный призракъ, мраморная вилла.

Въ ея башенкѣ кружевное окно и такой же
балконъ, весь въ тонкихъ, витыхъ колонкахъ. От-
туда на дорогу зыбко плыветъ желтый свѣтъ, и
часто въ немъ скользить легкая тѣнь.

Каждую ночь, возвращаясь домой, прохожу
мимо.

Тамъ поетъ рояль тихо-тихо.

Такъ тихо, точно клавишей чуть касаются не
живыя руки, а пальцы Бьянки Альдобрандини.
Вѣдь, кругомъ, отъ Монтенеро-Альто до Валь-
дельяве, всѣ сейчасъ присягнуть, что замученная
папскою инквизиціей герцогиня изъ далекой, за-
терявшейся въ зеленыхъ и сырыхъ мареммахъ мо-
гилы приходитъ сюда и, печальная, бродитъ подъ
великолѣпными магноліями своего пустынного
сада. Я какъ-то старался доказать, что наивные лю-
ди принимаютъ громадныя бѣлыя цвѣты по но-
чамъ за лица призраковъ. Моя хозяйка съ ужа-
сомъ посмотрѣла на меня, точно я усомнился въ
седьмомъ чудѣ Паскуале Ріоне, который бившую
его жену обратилъ въ мужчину. На свое горе!
Этотъ, вѣдь, первымъ дѣломъ потребовалъ, чтобы
самъ флорентійскій святой преобразился въ ма-
донну Беатриче. И угодникъ долженъ былъ совер-

шить и такое—восьмое—чудо. Иначе его бывшая супруга нарушила бы обѣты супружеской вѣрности и, погубивъ свою душу, и на него навлекла бы небесное проклятіе.

— На что только не способны великіе подвижники ради спасенія ближнихъ отъ геенны огненной!—воскликнулъ я.

Синьора Франческа покачала головой.

— Вы, русскіе, ничего не боитесь... И ваша соотечественница первая за эти двадцать лѣтъ рѣшилась нанять эту виллу...

— Какъ, дама на балконѣ—русская?

— Еще бы нѣтъ, если у нея волосы точно солома, а глаза сини, какъ эти глициніи.

— Она одна?

— Пріѣхала со старухой, которая не говоритъ ни на одномъ христіанскомъ языкѣ. Хотѣла нанять мою племянницу Пеппину, но та ни за какія деньги. А, вѣдь, шестьдесятъ лиръ въ мѣсяцъ съ полу не подымешь. Еще бы,—домъ-то съ привидѣніями. Теперь нашла себѣ нѣмку. Такъ и сидятъ втроемъ,—вороны въ старомъ гнѣздѣ. Днемъ ихъ не видно. Вилла спитъ. Жалюзи опущены. Голосовъ оттуда не слышно. Точно гробъ, который забыли схоронить, за кипарисами. Ну, а какъ только вонъ отъ тѣхъ самыхъ вершинъ повѣетъ прохладой, русская синьора показывается на балконѣ. Она очень закаты любитъ. Вся въ золотомъ свѣтѣ... Точно св. Цецилія.

Еще бы не любить здѣсь, въ Тосканѣ!

За Аппенинами въ полымѣ раскаленнымъ золотомъ горятъ облака. Стройныя башни старыхъ замковъ, какъ Божьи угодники, стоятъ на вершинахъ въ огнистыхъ вѣнцахъ. Тѣни синія, бархат-

няя; воды мѣдными щитами раскинуты... А сады, несравненные сады благоухающихъ долинъ!.. Они въ такой рдяной сказкѣ вечера, что никакой яви не надо!

II.

— Вы не можете узнать, какъ зовутъ эту русскую?

— Нашъ капелланъ былъ у нея, когда собиралъ на *asilio infantile*.

Утромъ мнѣ отъ благополучнаго падре принесли подпись моей соотечественницы.

Такъ и пахнуло знакомою старою былью!

Мы, вѣдь, живемъ въ такое электрическое время, что пять-шесть лѣтъ западаютъ Богъ вѣсть какъ далеко! Въ непроглядный туманъ полузабытаго прошлаго.

И подумать, гдѣ она замкнулась,—въ счастливой Тосканѣ, гдѣ до сихъ поръ чудятся тѣни Петrarки и Боккаччіо, а въ тѣни древнихъ улицъ, у нахмурившихся башенъ мерещится суровый профиль Данте.

«Софья Нелединская»...

Да это именно она послѣ своего громкаго процесса уѣхала въ Италію! Для насъ, такъ искренно привязанныхъ къ ней, и слѣдъ ея простылъ. Искали вездѣ,—и напрасно. Кому же пришло бы въ голову, что она, заслонившись черными кипарисами ото всего міра, замкнется въ старой виллѣ съ привидѣніями, да еще въ какой глуши—около Монтенеро!

Въ тотъ же день послалъ ей на своей карточкѣ:

«Вы меня называли когда-то другомъ; если за

мною остался еще уголокъ въ вашихъ воспомина-
ніяхъ,—назначьте, когда я попрежнему могу по-
цѣловать вашу руку. Вечерами слушалъ васъ и
только сегодня узналъ, что клавиши плакали и
пѣли не подъ костлявыми перстами выходившей
изъ могилы Бьянки Альдобрандини, а подъ жи-
выми русской синьоры, которая не боится ника-
кихъ привидѣній,—значить, не испугается и такого
старого, какъ я».

Софія Алексѣевна отвѣтила сейчасъ-же.

«И я, и призракъ злополучной герцогини рады
увидѣть васъ. Если бы я знала, что вы такъ близко,
давно бы зашла за вами. Приходите сегодня обѣ-
дать. Нѣтъ ли у васъ русскихъ книгъ,—захватите.
Въ моей виллѣ пять свободныхъ комнатъ. Васъ
тоже выходцами съ того свѣта не испугаешь. Пе-
реселяйтесь къ намъ. Въ эти лунныя ночи мой садъ
весь «въ трепетѣ воспоминаній о томъ, чего ни-
когда не было, и осуществленныхъ грезъ о томъ,
чего никогда не будетъ». Эту фразу я у васъ вы-
крала, въ послѣдней русской страничкѣ, пять лѣтъ
назадъ прочитанной мною. Я разучила Чайков-
скаго, Баха, Шопена. Всего Шопена,—вы такъ лю-
били его. Надѣюсь, не соскучитесь. Со мною
только моя старая няня и очень милая нѣмка, ко-
торую во Флоренціи «господа» бросили, а я по-
добрала, и радуюсь этому.

«Да, кстати: мой садъ только снаружи мраченъ.
Кипарисы вокругъ—точно процессіи черныхъ мо-
наховъ. Не вѣрьте имъ. За ними волшебное цар-
ство цвѣтовъ, ручья и птицъ,—такое, что я никуда
не выхожу отсюда. Не тянетъ. Я васъ представляю
этимъ моимъ любимцамъ, какъ королева своему
двору—странствующаго рыцаря. За ихъ радушный

пріемъ отвѣчаю. Сердца цвѣтовъ раскрываются вечерами. Тоже молятся ароматами. Видите, какъ я разболталась. Изъ этого можете заключить, насколько я вамъ рада. А если вы совсѣмъ прежній, такъ не станете ждать обѣда, а пріѣдете сейчасъ-же».

III.

Я оказался «совсѣмъ прежнимъ»!

Черезъ нѣсколько минутъ, вся раскраснѣвшаяся, улыбающаяся, Софья Алексѣевна протянула мнѣ обѣ руки.

— Вы давно здѣсь?

— Около мѣсяца.

— Господи! И я не знала! Вы не боитесь солнца?

— Нѣтъ, напротивъ... Люблю его. Къ нему и вырвался изъ петербургской мути.

— Пойдемъ тогда въ мое царство.

Прохлада большихъ пустынныхъ комнатъ съ похожими на висѣльниковъ люстрами въ саванахъ. Выцвѣтшія старинныя картины, точно большія пятна въ полинявшихъ рамахъ... Эхо зловѣще считаетъ каждый вашъ шагъ въ полумракѣ...

— Ну?

Остановилась передъ такою фантазіей розъ, ирисовъ, лилій, жасминовъ и астръ и Богъ вѣсть какихъ еще цвѣтовъ, что я зажмурился отъ залитой нестерпимымъ блескомъ, трепетавшей всею роскошью Юга красоты. Въ безоблачномъ благоволящемъ небѣ высоко черкали ласточки. Каждый листокъ пѣлъ, стрекоталъ, звенѣлъ. Черными комками прыгали дрозды. И только большія, жадно

раскрытыя бѣлыя магноліи умирали отъ неуголимой страсти въ этомъ раю.

— Ну?

— Слово нѣтъ.

— Хорошо мое царство?

— Стоитъ своей королевы.

— Давно ли вы сдѣлались придворнымъ льстецомъ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ ея величество зачислила меня въ свою свиту.

IV.

Вся цвѣтущая, розовая, счастливая, она шла по узенькимъ дорожкамъ. Отовсюду на нихъ надвигались гибкими, зелеными, перевивавшимися змѣями молодые побѣги отъ старыхъ кустовъ. Облачками срывались и разсѣивались въ лазури бѣлые и желтые мотыльки. Откуда-то, спрятавшійся въ ровъ, всхлипывалъ ручей, и, точно пробуя басовую струну, густо ворчалъ черный шмель.

Не вѣрилось, что я всего пять лѣтъ видѣлъ ее въ тускломъ и душномъ залѣ окружнаго суда, гдѣ все,—и барьеры, и скамьи, и столы,—было захватано потными, грязными руками. На стеклахъ оконъ, точно мать, отложились нечистыя дыханія. Свѣтъ и безъ того скупой, струился сюда съ улицы, нехотя. Все подъ нимъ казалось мертво, точно онъ падалъ въ разинутую могилу на забытый тлѣющій трупъ. Лица блекли. Голоса звучали сухо, будто шуршала старая бумага съ слѣдами выцвѣвшихъ чернилъ. Люди двигались скучно, медленно. Только судебный приставъ брянчалъ цѣпью, какъ